

АНДЖЕЛА ХАНТ



Вирсавия
КРАСАВИЦА ПОНЕВОЛЕ

АНДЖЕЛА ХАНТ представляет серию
«ОПАСНАЯ КРАСОТА»

В древнееврейском тексте встречаются два слова, которые обычно используются при описании внешности человека. Одно из них, довольно мягкое, означает «привлекательный». А второе, употребляемое применительно к внешности женщины, выражает чувственную притягательность. Эта женщина настолько красива, что вызывает желание у мужчин, смотрящих на нее.

*Сью Пурман Ричардс и Ларри Ричардс,
авторы книги «Every Woman in the Bible»*

Красота не всегда дает преимущества женщине, ей обладающей. Иногда она ее предает, а случается, ставит в опасное положение, вплоть до смертельно опасного.

Эти романы — «Эсфирь», «Вирсавия» и «Далида» — рассказывают о трех чувственно притягательных женщинах.





Рано или поздно каждый садится за банкетный стол последствий своих поступков.

Роберт Льюис Стивенсон

Вирсавия

Весна, 996 год до рождения Христа

Впервые я увидела царя Давида, когда мне было шестнадцать лет, в тот момент он вел себя словно одержимый.

Процессия со священным ковчегом завета

Господня медленно продвигалась по улице, на которой мы жили; пышное зрелище буквально заворожило меня. Впереди шли десятки музыкантов — с трубами, цитрами, псалтирями, а также певцы, обладавшие чудесными голосами, — по бокам от них шествовали серьезные священники, их лица выражали благоговение.

Я заметила отблеск солнечного света на золотых крыльях херувима и схватила за руку отца, чтобы узнать, не должно ли закрыть лицо при виде столь священного знака, но не успела спросить, мое внимание отвлекло вздымающееся облако пыли. За двумя священниками, охранявшими ковчег, в окружении левитов, дувших в шофары, я увидела бородатого мужчину с золотистыми волосами, он неистово скакал, кружился и вертелся в полном самозабвении. На нем был эфод, парадное облачение священников Израиля, но поскольку день был жарким и солнце нещадно палило, он остановился на минутку, скинул верхнее одеяние и швырнул его стражнику. А когда на нем осталась только легкая льняная рубашка, он снова

принялся скакать и изгибаться, и все время он улыбался, как человек, находящийся в религиозном экстазе.

Я посмотрела на отца, ожидая увидеть недовольство на его лице. Он вот-вот сделает выговор стражникам; отдаст приказ кому-нибудь из своих друзей, чтобы они увели сумасшедшего.

Но неожиданно для меня мой отец улыбался, а в его глазах я увидела то же снисходительное выражение, с каким он взирал на мои шалости.

Я потянула его за рукав:

— Отец, кто этот человек?

Он нехотя отвел взгляд от энергичного танцора:

— Ты что-то сказала, дочка?

— Тот человек, это кто?

Он широко улыбнулся:

— Это, Вирсавия, Давид, царь всего Израиля.

— И ведет он себя недостойно, — проворчал дедушка.

— Если бы вы знали его лучше, то не стали бы осуждать. — Отец взял дедушку под локоть и улыбнулся. — Этот свободный дух, что вы видите, отлично служит нам в битвах; этому человеку неведом страх, и Адонай с ним. Иначе я не могу объяснить, как ему удается ускользать от своих врагов.

Дедушка ничего не ответил, он сжал губы и скрестил руки на груди, выражая глубокое осуждение.

Я смотрела на скачущего царя. Мне доводилось слышать множество историй о младшем сыне Иессея, но мне ни разу не доводилось видеть его так близко. Подумать только, этими руками он убил великана-филистимлянина, этот язык возносил хвалы Адонаю, эти густые волосы умащивал елем при помазании сам пророк Хашема* — Самуил...

* Хашем — одно из имен Бога в иудаизме; буквально «Имя» (с определенным артиклем или с прописной буквы). Строго говоря, это не имя, а эвфемизм, «обозначение имени», используемое вместо имени-эпитета «Адонай» и иногда вместо «Элохим» (которые, при меньшей табуированности, также традиционно избегают «произносить все») вне молитвы или религиозной службы. — *Примеч. ред.*

Я восхищенно смотрела на него; женщины, стоявшие по обе стороны улицы, срывали цветы с кустов возле своих домов и осыпали ими путь под ногами танцующего царя. Тогда я мало что знала о царях, но даже меня поразил откровенный интерес женщин к нему.

— А... а это прилично? — смущенно спросила я. — Царь не обидится на их поведение?

Отец хмыкнул, затем обнял меня за плечи и повел обратно в дом.

— Давид — человек по сердцу Божьему, — ответил он. — Он входит в помещение, и становится светлее; почти все, кто его знает, любят его. Не суди его строго, Вирсавия, ибо однажды ты можешь встретить его вновь. И ты его полюбишь.

Я не стала спорить с отцом, но что-то подсказывало мне, что я никогда не смогу полюбить такого человека.



Как гласит семейная легенда, мои родители принесли меня к Самуилу, когда моя мать проходила очищение; *Руах ха-Кодеш** снизошел на обычно уравновешенного пророка, и из его уст хлынул поток бессвязных слов. Как ни старались мои родители разобрать его речь, им удалось услышать очень немного. Отец запомнил только «мать великого человека» и «окажет влияние на будущее Израиля». А мать, со своей стороны, смогла поймать только три слова «*чувственно притягательная женщина*», и эти слова ей очень понравились.

Мне было тогда всего восемьдесят дней, поэтому я ничего не могу помнить о встрече с пророком. Но в последующие годы я пришла к заключению, что поток предсказаний

* *Руах ха-Кодеш* — на иврите «Святой Дух; Дух Божий». В иудаизме *Руах ха-Кодеш* — действующая сила, дыхание Бога, но не личность, тогда как в христианстве Святой Дух — одно из лиц триединого Бога. — *Примеч. ред.*

и проклятий выковал все события моей жизни; шквал слов обладал силой, способной оторвать меня от людей, которых я любила, и вынести к неожиданным берегам.

Поскольку пророк Самуил объявил, что я стану матерью великого человека, отец посчитал своим долгом удачно выдать меня замуж, чтобы я смогла произвести на свет сыновей. Поскольку моя мать услышала, что я должна стать не просто симпатичной, а *чувственно притягательной*, то даже в детстве она настаивала, чтобы мои ногти были чистыми, а волосы расчесанными. Так как я должна была получить дар красоты, она часто напоминала мне, что любовью мужчина, которого выберет мой отец, будет счастлив на мне жениться.

Я была послушной дочерью, всегда старалась угодить родителям и Адоною, поэтому больше всего на свете хотела выйти замуж за хорошего человека и родить столько детей, сколько позволит мне Господь. Самым важным долгом любой женщины, напоминал мне отец почти каждый вечер, является долг принять мужа и вынашивать его сыновей и дочерей. Как только детей отнимут от груди, мой муж должен приступить к обучению сыновей ремеслу, а я к обучению дочерей тому, как стать послушными женами. И вместе с мужем мы будем учить наших детей почитанию Адоная, Царя мироздания, а также царя Израиля, которого Он провозгласил через Своего пророка Самуила.

И в каждом уроке, что давали мне отец и мать, постоянно звучала одна тема: я особенная, потому что избрана носить сына, который серьезно повлияет на жизнь Израиля.

Хашем имел все права исполнить Свою волю и сделать выбор. Он выбрал Аарона и его потомков Своими священниками. Он выбрал левитов Своими особыми слугами. Он выбрал Саула нашим царем; а затем, когда Саул разочаровал Господа, Хашем поставил Давида, сына Иессея, править нами.

Вот пришла моя восемнадцатая весна, и вскоре после иудейской Пасхи мой отец объявил, что для меня пришло

время начать путь, предначертанный Самуилом. В прошедшем году я была помолвлена с Урией, служившим в царском войске. Было подписано брачное соглашение, выплачено приданое, построен мой новый дом. Осталось последнее — мой жених должен прийти к дому моего отца и увести меня в тот дом, где мы будем жить вместе до конца наших дней.

Когда наступил назначенный день, я горела нетерпением стать женой широкоплечего воина, который привлек мое внимание еще на празднествах урожая. Я знала, что мне невероятно повезло, потому что мой отважный воин заслужил одобрение отца.

— Амарис! — Я в панике обернулась в ту сторону, где на мягкой подушке сидела моя десятилетняя сестра и наигрывала на цитре. — Ты не помнишь, куда я положила свою фату?

Она потеряла нос и показала на корзину под окном:

— Ее брала Элишева, чтобы расшить для тебя.

Я тотчас успокоилась и стала любоваться прямоугольным куском голубой ткани. Элишева, верная служанка, которая была кормилицей Амарис после смерти мамы, вышила крошечные золотые бутоны по краям фаты — очень милый узор и прекрасно подходил для свадьбы.

Я провела кончиками пальцев по крошечным стежкам:

— Красивая.

— Я рада, что тебе понравилось. — Гортанный голос Элишевы застал меня врасплох. Я повернулась и увидела ее у себя за спиной, в ее глазах сверкали слезы. — Дитя, поверить не могу, что ты уже взрослая и собираешься создать свою семью.

— Не только взрослая, но уже и старовата. — Я улыбнулась, поцеловала ее в щеку, потом отстранилась и заглянула в ее темные глаза: — А ты во сколько лет вышла замуж?

Она вздохнула, как делала всегда, если мы спрашивали ее о прошлой жизни:

— В пятнадцать.

— Вот видишь!.. Я совсем старуха по сравнению с тобой.

Элишева пожала плечами:

— Я была готова к замужеству почти сразу, как родилась. Но ты — особенная. Твой отец не хотел торопиться. Ведь он всегда помнил о пророчестве.

Я еле сдержалась, чтобы не закатить по-детски глаза, поскольку пророчество Самуила, о котором постоянно вспоминали, не имело никакого отношения к этому внутреннему трепету в груди.

— Почему его так беспокоит старое предсказание? Если Самуил был настоящим пророком Адоная, ничто не может изменить его слова. Адонай ведь не человек, Он не меняет Своих решений...

— Тихо, я не собираюсь с тобой спорить сегодня. Ты почистила ногти?

Я улыбнулась, услышав привычный вопрос.

— Почистила.

— А волосы? Ты сполоснула их ароматической водой, которую я для тебя приготовила?

— Сполоснула. — Я взяла прядь волос и поднесла к носу, от них исходила смесь ароматов цветов и трав. — Я сделала все, как ты велела.

Она встала напротив меня и принялась с пристрастием оглядывать всю, начиная с моих новых сандалий и до изумрудной туники. И, наконец, посмотрела мне в лицо, пристально, оценивающе, встретила со мной взглядом, и в ее глазах засветилась любовь.

— *Чувственно притягательная* женщина, — прошептала она. — Это ты, дорогая. Сегодня Урии будут завидовать все мужчины Иерусалима.

Я отвернулась, почувствовав, как загораются мои щеки:

— А мне, видимо, будут завидовать все женщины. Я видела, как они на него смотрят, когда мы гуляем вместе. Ему улыбаются даже бабушки.

— Глупцы. — Элишева ласково убрала прядь моих волос за ухо. — Интересно, как тебе понравится быть женой воина. Ты будешь проводить много времени в одиночестве.

— Но только не в первый год. — Я снова улыбнулась, уверенная в своем счастье. — Урию не отправят на войну в первый год после свадьбы, это то же, что всегда. Я дожидалась год сегодняшнего дня, и мне казалось, он никогда не наступит.

— Но ведь он наступил, дитя. А когда тебе будет столько лет, сколько мне, ты оглянешься на прожитые годы и удивишься, как же быстро они прошли.

— Вирсавия? — Требовательный голос моего отца прервал нашу беседу. Элишева отошла в сторонку, чтобы я видела его у дверей — высокий, волосы смазаны маслом, на нем его лучшая туника и накидка. — Ты готова, дочь? Гости уже на подходе.

— Готова и жду с нетерпением, отец. — Я набросила расшитый легкий шарф на волосы и одним концом прикрыла лицо. Я выйду к жениху с закрытым лицом, как Лия и Рахиль, но мой жених будет знать, кто прячется за полупрозрачной тканью.

Я повернулась к отцу, а он отчего-то застыл на месте, словно прирос к полу. И без слов я поняла, что он вспоминал прошлое. Возможно, он сейчас снова переживал момент, когда увидел мою мать невестой, а может, он вспоминал тот день, когда Самуил положил руку мне на голову и вместо благословения изрек пророчество.

— Дочь... — голос отца дрожал от эмоций. — Ты еще красивее, чем всегда.

Я шепотом поблагодарила его, а он направился в другой конец комнаты.

— Ну, маленькая обезьянка, садись верхом, — сказал он Амарис, опустившись на колени рядом с моей младшей сестрой, — будешь сегодня сидеть за столом своего нового брата и есть, сколько захочешь.

Хотя Амарис могла передвигаться с помощью костыля, мы шли быстрее, если она сидела на широких плечах отца. Она обхватила его за шею руками. Он поднялся и подождал, пока Элишева игриво подсовывала тонкие ножки девочки ему под мышки. Как только Амарис надежно устроилась, отец прошел к двери и распахнул ее, впуская в дом шум — смех, хлопки, звон бубенчиков. Кто-то заиграл на трубе, и в дверях появился мой раскрасневшийся муж.

— Вирсавия... — Его взгляд устремился на меня, он не обращал внимания на убранство комнаты, на моего отца, не замечал даже фату, которая нас разделяла. И его взгляд заполнил пустоту внутри меня, ту часть, что ждала хорошего мужчину, который полюбит меня, подарит мне ребенка и позволит исполниться моей судьбе. Безусловно, Адонай создал меня для такого человека, как Урия.

Мое сердце пело от восторга, я шагнула вперед и положила руку на его протянутую ладонь. Он посмотрел на меня благодарным взглядом, и мы вместе прошли через двор и направились в приготовленное им для нас место — в чудесный каменный домик на возвышенности, расположенный в тени большого царского дворца.



Нафан

Дела царя Давида, первые и последние, описаны в записях Самуила прорицателя, и в записях Нафана пророка, и в записях Гада прозорливца.

1 Пар. 29:29

В поселке за пределами стен Иерусалима в самом последнем доме, за которым уже простиралась дикая местность, я лежал без сна на своем спальном коврикe и смотрел в потолок. Моя жена безмятежно спала, а я не мог отдохнуть уже вторую ночь. Странные образы и беспокойные ощущения заставляли меня вертеться на тонком матрасе. В какой-то момент я проснулся, как от толчка, и сел, ожидая услышать голос Адоная во тьме. Но Господь молчал, тогда я снова растянулся на постели, закрыл глаза и принялся размышлять, отчего мне так беспокойно, может, от плохого пищеварения, а не по воле Бога?

Я задремал, пока истощное кукареканье петуха моей жены Орны не разбудило меня. Несмотря на солнечный свет, осветивший город Давида и льющийя в мое окно, волнение не оставило меня. Где-то назревала неприятность, и я не мог не думать о том, что Хашем, возможно, уже простер Свою длань, чтобы судить...

Меня? Я сел и стал прислушиваться к своей совести, но не смог обнаружить ни одного проступка, кроме того греха, которому я противостоял ежедневно. Родители уверяли меня, что я обязательно полюблю свою жену, когда

мы поженимся, но, несмотря на то что я соблюдал супружескую верность, а Орна родила мне двух дочерей, в моем сердце не было ничего, кроме сочувствия и жалости, когда я смотрел на ее крепко сбитое тело. Имя моей жены означает «кедр», и, словно это могучее дерево, она была для меня укрытием, тенью и товарищем. Но страсть не разгоралась, когда я смотрел в ее маленькие глазки, кровь не вскипала, когда я целовал ее обветренные губы. Мы поддерживали добрые отношения, и я не искал блудниц, но по ночам, когда я поворачивался к ней, чтобы удовлетворить свою мужскую потребность, я старался представить себе другое лицо.

От одной только мысли о том лице у меня вырвался печальный вздох, я поднял голову и посмотрел на двух маленьких спящих девочек. Нира, два года. Яэль, четыре. Два чудесных существа, походивших на мать, считали меня своим товарищем для игр. Если бы они сейчас не спали, то обязательно залезли бы ко мне на колени и дергали бы за волосы, пытаюсь забраться на спину.

Я снова вздохнул. Для пророка моя жизнь была неплохой. Каждое утро я просыпался и ожидал послания от Адоная. Если я ничего не видел и не слышал, я занимался своими семейными делами. Даже пророкам нужно есть.

Мне повезло, что у меня есть жена, две девочки, коза и овца. Мы обрабатываем небольшой участок земли в долине Кедрона, трудимся и молимся в сени ковчега завета, который хранится в скинии на горе Мориа. Мы жили близ огромного дворца, где жил сам царь, его жены и наложницы, а рядом хранился ковчег Адоная.

Я закрыл глаза и вскинул голову, прислушиваясь ушами и сердцем. Возможно, Адонай — причина моего плохого сна? Я подождал, но ничего не услышал. И не увидел. Судя по всему, в Иерусалиме все спокойно.

Я подождал еще чуть-чуть, потом встал и вышел во двор плеснуть воды на лицо. Если Адонай не готов говорить, я пока покормлю овцу и козу, а потом помоюсь.

Потому что меня пригласили на свадьбу.